

Ораи АРУКЕЖОВА

ГОЛУБИНАЯ СТАЯ

МОИ САМЫЕ

Зачем я с ним заговорила?! – по привычке
Он нахмурил брови и критикует всё и вся
А мне уже безразлично

Зачем я с ней заговорила?! – по привычке
Она сама себе противоречит и все отрицает во всем
Ей надо выговориться

Они для меня привычны, делаю вид, что слушаю
Ничего личного, сто раз это слышала
Они никогда не изменятся, это их вторая кожа

А эта пожилая пара – другое дело!
Не надо выслушивать и притворяться
Они улыбаются, угощают яблоком и благословляют

Не знаю, как их зовут
И не буду спрашивать
Они – мои самые близкие!

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Папа и сосед, фронтовой герой - летчик
 У которого был единственный день в году светлый
 А остальные – в плену у сварливой старухи
 Девятого мая напивались до колик
 Начиналось все чинно, потом – много водки
 И слезы отважных воинов.
 Никаких историй о боях, битвах, убитых фрицах
 Они каждый раз говорили, как заведенные
 Не слыша друг друга, об одном и том же:
 Летчик – о сгоревшем друге, служившем рядом
 А политрук – о бомбежке санитарного поезда
 А когда мы домой провожали героя
 Он у ворот барачного дома отталкивал нас и висел на заборе
 Ожидая заслуженной кары.
 А назавтра они становились обычными гражданами - разными
 Только портреты Сталина висели над кроватями у обоих.

FAREWELL TO SPRING

Звенит июнь, весна прошелестела мимо
 Распять чувства в параллельном измерении
 Из серебряного берега выпал камень
 Зияет черная глазница в форме капли
 Соленым потом наполняясь
 Что потеряешь – что найдешь – нечетно
 Вернуть – заполнить – нечем
 Сирени свежесть на турецкую гвоздику...
 Мгновенье – вечность – лотерея
 Обмен еще не завершился. Жалко!
 Обман пока не совершился. Жарко!

ИСКРЫ ВОЙНЫ

Три птенца с ярко-желтыми клювами
 Наполнили утро треском
 Двое устроили драку
 Насмерть бьются
 Третий побольше –
 Круглый, осанистый наблюдает
 Каждый раз подклеывает пораженного
 Мечется то к одному, то к другому
 В равном бою две жизни, две жертвы
 Победы не будет
 Что стало причиной
 Они не помнят,
 Но надо размять клювы

Они – задиристы, молоды, энергичны
Они – кровь революций
Они – искры войны.

РАЗГОВОР

В обувной мастерской глухонемой сапожник
Осмотрел мои туфли и написал в блокноте
Каллиграфическим почерком: пятьсот тенге
Я, каракулями: срочно
Он кивнул и вывел: десять минут
Посмотрел мне в глаза тоскливо-пронзительно
И указал на стул у дверного проема.
Он кряхтел и сопел с набойками
Посматривал в мою сторону время от времени
Будто поддерживая беседу.
А в моей памяти ожил силуэт Майлика
Что, встречая со школы
Виляя хвостом, бежал мне навстречу
А приблизившись, останавливался, и, наклонив голову
Смотрел на меня внимательно,
Приноравливаясь к настроению.

Давно так душевно ни с кем
Не разговаривала.

ЗОЛОТО

Купол вдалеке – ярко-синий, полый
Маковка, испускающая свет – подобие солнца
Спряталась в тени Настоящего
Золото: сусальное, червонное дразнится
На алтарях и как признак святости
Переключалось из-под земли в храмы
На щиколотки, на пальцы: костлявые и пухлые
Белое, желтое, зеленое, красное
Светит, блестит, струится благородством
Из косного рта блеснет кисло
Сверкнет на запястье венком бриллиантовым
Стоимостью равной панельной пятиэтажке

ГОЛУБИ

Голуби разномастные, серо-черные, белые
Пестрыми шейками сверкают под ярким солнцем
Как ручные расхаживают, клюют семечки,
Бросятся шумно на пшено, зерно, хлебные крошки

Жадными клювами на все, что люди подкинут
А розовощекие малыши в колясках нос воротят
От толстых резиновых сосок, тянутся
К голубиному корму – в стаю:
По инстинкту им ближе птицы, которые шумно взлетая
Кружат над парком, они – хозяева жизни
Сядутся рядом с детенышами человеческими
Их светливыми мамами, оживленными бабушками
Безразличными нянями, клюют все, что подкинут
Голубиный корм как простая сечка
Люб и большим и малым на воле
Мы в детстве тоже бросались на всякое,
Познавали корм вороний, голубиный, стадный
Без навязчивых нянек, мам, пап, бабушек
В наших свободных полетах, нам чаще корм
Доставался дикий – джигида, рябина, волчья ягода
Нам повезло, нам не предлагали резиновые соски
Мы материнские знали, а потом переходили сами
На голубиный корм к счастью: карликовые ранетки,
Пшеницу с поля, морковь с огорода тети Таси
И ягоду, ярко-красную под страшные байки старших
Мне повезло, я – голубинога замеса, знаю повадки
Вольной ребячьей стаи, ссадины и царапины
Привычные, экологически чистые, без ложной примеси
И химической смеси, здоровый задор без страха
Вся планета – детская заваруха, голубиная стая.
Не знают, не ведают, не поймут взрослые
Масштаба того размаха, сердцебиения на грани
Когда в партизан играли и Зою Космодемьянскую
Тонули в речке, бочке, горели в печке и баке из-под солярки
Плавали в смрадном котловане и плот сооружали
Через реку нефтяных отходов, было время!
Сегодняшним детям, их рядам поредевшим,
Даже голубиные крошки недоступны – бедняжки!
У нас были гнезда лишь на ночь и целая жизнь
В полете, как голуби в стаи сбившись кружили
На подножном корму птичьем, привычном
Розовощекие малыши нос воротят от толстой
Резиновой соски без вкуса детства, тянутся к голубям
В весеннем сквере по природному инстинкту
А голуби как мы тогда разномастные: серо-белые, черные
Бросаются на все, что судьба подкинет:
На пшено, семечки, хлебные крошки, зернышки.

